

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Институциональная составляющая идеологии в экономике и науке

Постановка проблемы

«В настоящее время люди особенно ждут более глубокого диагноза, особенно готовы принять его и испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-нибудь шансы на успех. Но даже и помимо этого современного умонастроения, *идеи экономистов и политических мыслителей* – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого..., извлекая сумасбродные *идеи* из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад» [1, с. 518].

Эти слова, написанные более полувека тому назад, вновь приобрели особую актуальность для нас и наших современников, поскольку, во-первых, нуждается в пересмотре общая политико-экономическая стратегия современного мирохозяйственного порядка, характеризующегося возросшим риском глобальной неустойчивости (катастрофы) и неопределенностью будущей модели развития. Во-вторых, по причине доминирующего влияния международных институтов на все национальные экономики и региональные рынки. В-третьих, наши ресурсные ограничения и достаточно противоречивые результаты хозяйственной деятельности за весь реформируемый период в стране по-прежнему остро ставят вопрос о научно обоснованном, выверенном векторе и формах реализации стратегии национального технико-экономического и социально-политического развития.

Институт идеологии и экономика: теоретическая ретроспектива

Любая фирма или другой хозяйствующий субъект всегда существуют и действуют в реальной политико-экономической, социокультурной и идеологической среде. Абсолютно неверно утверждение, что идеологии была подвержена только социалистическая (коммунистическая) система. Самая сверхлиберальная политико-

экономическая система также пронизана общей идеей, как и ее противоположность, например система, жестко централизованного устройства. Идеология, таким образом, это не какой-то инородный элемент экономики, от которого следует и можно избавиться. Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Более того, эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты.

Быстрая и решительная отмена на формальном уровне прежней теории, других детерминант, координирующих социально-экономическое поведение граждан, без *выдвинутой новой, адекватной* для белорусского общества современной шкалы ценностей, привела к *институциональному вакууму*, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *трансформационной ловушкой*, которую пока не преодолели. Поэтому разработка идеологии в контексте экономической теории (и наоборот!), представляется, поможет выйти науке об экономике на новый более совершенный уровень. Следующий шаг – практический, что также является непростой задачей.

Конфликт в том, что *сегодня неопределенные*, часто интуитивные *новые идеи* должны оцениваться либо по старым критериям прежней политэкономии, оказавшей влияние на формирование *политико-экономического образа мышления* большинства населения страны, либо по каким-то новым, еще неизведанным ни в теоретическом, ни в практическом отношении критериям, правилам и нормам. С некоторым опозданием уже можно признать, что в нынешней радикальной, системной реформе самым главным является *смена идеологии*, которая включает модификацию нравственно-этических, социальных, политических, экономических, правовых, культурологических и других ценностей, которыми руководствуется в своей деятельности человек, определяет его мотивацию. Кстати сказать, чисто экономические нормы поведения в приоритете ценностей стоят далеко не на первом месте. 75.5 % опрошенных белорусов ставят на первое место принцип социальной справедливости. Доверяли предпринимателям в 1999 г. лишь 9.7 % опрошенных. Не все так просто в оценках отношения людей к понятиям «рынок», «регулируемый рынок», «план» и пр. до сих пор из-за неясности этих категорий.

Итак, какое же место занимает *идеология*, какие ее *виды существуют*, как она *возникает* и каков механизм ее *имплантации* в *общую хозяйственную структуру, мышление и поведение людей*?

Экономисты существенно отличаются в своем понимании этой категории и отвечают на все эти вопросы по-разному в зависимости от научных школ и направлений.

О роли идеологии в экономике немало плодотворных идей высказано С. Вайнтраубе, У.Дж. Сэмюельсоном, Г.Л. Шэклом еще в конце 70-х гг. XX столетия. С именем Д. Норта, Дж. Бьюкенена связывают целое направление в экономической науке. Например, тот же Норт пишет: «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагает люди для того, чтобы объяснить окружающий мир... В любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир». [2, с. 27].

Таким образом, история экономической науки представляет, историю эволюции и трансформацию *идей*, в которых отражались направление и способ общественной организации производства, а также принципы, нормы и формы поведения и взаимоотношения людей, достигающих в процессе деятельности своих интересов. Собственно речь идет в целом о *предмете, методологии и других атрибутах экономической науки*, которые изменялись под воздействием онтологических и гносеологических изменений. Парадигма как ядро теории здесь выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное научное сообщество проводить аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным элементом парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности. Эта онтологическая составляющая обеспечивает *связь предмета науки со своим объектом*, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития, отражая сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания. Формирование идеалов и норм научного исследования нашей и другой объективной реальности находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств.

Какие же парадигмы или, иначе говоря, идеи можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке? Центральным элементом теории меркантилистов являлась, например, идея активного положительного торгового баланса со всеми вытекающими отсюда выводами для экономической политики. Физиократы заложили основу теории производства и распределения общественного продукта между существовавшими на тот период классами. Первая целостная политико-

экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать *хозяйственный мир*, прежде всего, как *мир богатства*. В достижении и превращении форм богатства его распределение они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило *новую норму поведения* – *стоимость*, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией, что было раньше. Можно заметить, что в классической политэкономии, нашла своеобразная интерпретация достижений других наук: медицины, политики, права, техники, истории и других наук, что позволило на абстрактно-понятийном уровне *целостно* зафиксировать политико-экономическую систему и определить историческую тенденцию ее эволюции.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя, прежде всего, на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это уже *мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями*. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н.Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» [3, с. 271].

Свое развитие классическая и историческая школы получила в *марксизме*. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала. Новизна подхода состоит в *объединении исторического и логического, индуктивного и дедуктивного* в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный принцип логического историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления.

Были определены границы эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом.

Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («фрикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. *Мир хозяйствующего субъекта*, который сам активно вовлечен в оценку экономической деятельности, был положен в основу познания происходящих процессов. Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском рациональных функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как инструментальному процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек» частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма. Поэтому из исследовательского поля исчезло воспроизводство, закон народонаселения, проблемы развития и пр. Парадоксально, наука о человеке – экономика выбрасывает самого человека как деятельного, социального субъекта, придав последнему ограниченную утилитарную потребительскую детерминанту.

К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научной специализации и использования в производстве экономического знания частных методов *экзотерической* направленности это знание

приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» стало невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения той части парадигмальной идеи, которая не меняет принципиально неоклассическую теорию. *Мир активного деятельного субъекта* – так можно охарактеризовать идею теоретического подхода Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило сближение идей неоклассической и марксистской теорий.

Такой теоретико-исторический экскурс необходим, прежде всего, для того, чтобы понять, во-первых, все богатство *содержания как теорий, формирующих экономический образ мышления*, так и структуру самого экономического мышления, выходящего далеко за пределы «чистого прагматического экономизма». Во-вторых, попытаться оценить какой же образ мышления формируют те теории, которые получили у нас массовое распространение без философского осмысления и исторического контекста. В-третьих, зафиксировать *значимость института идеологии* в общественно-экономическом устройстве. И, наконец, определить подход к формированию конструктивной национальной политико-экономической модели развития.

Функции институтов

Структура науки экономики, охватывая весь философский и социокультурный контекст деятельности человека, изменяется вместе с реальной хозяйственной практикой. Но, как и последняя, наука неоднородна и представлена широким спектром научных школ и направлений. Однако именно неоклассическая теория проявила активную экспансию в учебный процесс, в научные и аналитические учреждения республики, что крайне можно объяснить, но невозможно принять.

Оставляя теоретические тонкости критики этой теории, базирующейся на идеях философии позитивизма, приведем пример. В середине 80-х годов прошлого столетия А. Хабергером было проведено исследование американской экономики за несколько десятков лет, в результате чего оказалось, что вред США от монополий составляет 0.02 % от ВВП... Возник шок – чему же учат в вузах страны, поскольку в курсе экономикса теории рыночных структур занимают доминирующее положение, а идеология конкурентного индивидуализма лежит в основании данной конструкции. Перепроверки разными

методиками оставили данный показатель на уровне 0.5–2 % от ВВП. Это притом, что польза от монополий не рассматривалась. Крайне наивно, если не сказать более жестко, выглядит также обоснование антимонопольного регулирования (и вообще государственного регулирования), которое, по сути, воспроизводит прежнюю идеологию, с критики которой началась современная реформа и курс на рыночные преобразования.

Таким образом, с теоретической точки зрения *идеология* – это определенный образ мышления отдельных людей, групп, общества в целом, позволяющий рационализировать и регламентировать их поведение. Следствием этого является низкие транзакционные издержки общества, государства, индивидов по достижению своих интересов при сохранении приемлемого *институционального равновесия*. Но через *импорт* неоклассической теории формирования новой экономической идеологии не состоялось, поскольку, во-первых, всегда есть инерция и противоречие прежней экономической идеологии с новой. Во-вторых, внедрение в учебный процесс названной выше теории осуществилось в усеченном, можно сказать, технико-инструментальном виде. В-третьих, данная теория содержит дилемму, встроенную в поведенческую функцию. Она допускает как максимизацию богатства, так и формирование государства по Гоббсу, которое ограничивает поведение индивидов для жизнеспособности политической системы. Дилемма состоит в том, что принцип рациональности, о котором, возможно, сегодня скажут, противоречит второй части формулировки – регламентации и ограничению свободы выбора.

В ракурсе данных рассуждений можно отметить и то, что *выработанная идеология* в явных и неявных формах в концентрированном виде *формулирует общую стратегию развития* той или иной экономической модели развития и функционирования, которая вытекает из выяснения складывающихся законов–тенденций. На основании этого уже можно предложить выработку принципов поведения хозяйствующих агентов и функционирования применительно к конкретно–историческим условиям. Но неоклассическая теория занимается вторым и не ставит себе задачу разрабатывать проблемы развития. (Не надо путать с экономическим ростом).

Если сформулированная стратегия принимается большинством, то воспринятая *идеология* служит также объединяющей и цементирующей основой общества. «...Вера производит теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом» [4, т. 1, с. 69]. Если же консолидирующей идеи нет, то возникает многочисленное количество партий и группировок, как, например, в абсолютном большинстве

постсоциалистических государств. Нарушенное институциональное равновесие создает условия для роста издержек по защите прав собственности, выполнению контрактов и пр. Для государства как органа политической власти также возникает проблема достижения того, что в нашей терминологии получило название «стабилизация». Но содержание последней выходит далеко за пределы денежно-финансовой стабилизации. Если большинство населения, которое очень неоднородно по своему социально-классовому составу, поддерживает выработанную наукой стратегию, этапы и формы ее достижения, и которая находит адекватную политическую интерпретацию, то это говорит о высокой степени доверия и лояльности общества к избранной линии совместного поведения. Неформальные нормы поведения и взаимоотношений дают положительный эффект создавая институциональный капитал при низких транзакционных издержках. Если уровень лояльности населения к сформулированной идее низкий, то для проведения последней издержки резко возрастают.

И здесь возникает два направления: *затраты на образование и издержки на содержание правоохранительных органов*. Первые дают эффект в долгосрочной перспективе, создавая условия и потенциал для развития, а вторые – в краткосрочной. Расходы на эти сферы, а также количество обучающихся на сто тысяч жителей страны служат хорошими показателями складывающихся социально-экономических тенденций и соотношения к ним проводимых политических курсов.

Однако высокий показатель доли осужденных еще вовсе не свидетельствует о склонности населения той или иной страны к преступлениям или правонарушениям. Конечно, бедность, нищета и безысходность не добавляют общественного капитала. Но по исследованиям Эр. Де Сото, формирование теневой экономики обусловлено, в том числе противоречием неформальных норм и правил с формальными, с «образцовыми европейскими законами», которые принимаются законодательными органами. Эти формальные сложные и дорогие правила, законы могут тормозить инициативу населения. Усиливается в силу этого размер патерналистских ожиданий, которое государство не может удовлетворить.

Идеология выполняет важную коммуникативную функцию, позволяющую воспринимать *и прошлое, и настоящее, и будущее на одном уровне представлений*. Специалисты в области герменевтики уже давно обнаружили эту проблему адекватного восприятия письменных или вербальных знаков как носителей информации. Представители же теории экономики, по-прежнему не замечают того обстоятельства, что даже в рамках одной и той же школы возникающие дискуссии часто являются всего лишь следствием неверно понимаемых определений.

Идеология, которую в данном случае можно сравнить с методологической основой, создает однородный подход к изучаемому предмету в синкретическом едином образе. Иногда эта общая идея и начинающими, и более зрелыми экономистами не совсем осознается, хотя она всегда присутствует в любых трактатах об экономике и ее проблемах. Есть ли у нас эта четкая историческая линия прошлого, настоящего, будущего? Ведь эта вежа, в том числе и экономических, и культурных ценностей, связывающих целые поколения. А это права наследования и не только имущественные, но и те, которые в молодом поколении формируют активные культурно-деятельные начала, а не стяжательства и наживы, лени и праздности. Ценность учения А. Смита (как впрочем и других наиболее значимых мыслителей) состояла в том, что он сформулировал такую норму экономического поведения, которая была воспринята не просто всеми, а именно классом *наемного труда и производительного капитала*, которые на тот период выступали главным источником богатства.

У нас почему-то сейчас культивируется и пропагандируется спекулятивное поведение финансового капитала. Все хотят быть финансистами, банкирами, биржевиками, дилерами... Но финансовый капитал с его спекулятивной логикой поведения усиливает источник нестабильности и кризисов. Кейнс писал: «Превращение предпринимателя в спекулянта – это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» [5, с. 100].

Средняя норма прибыли не только оправдывает существование капитала, но и выступает ориентиром, общественно признанным мотивом производительного капитала, что цементирует экономику рыночного типа. Но из-за резких колебаний нормы прибыли в финансовом и реальном секторе экономики, предприниматель (особенно мелкий) теряет в целом устойчивость своего экономического положения, постепенно отходя от своих нормальных дел, также примыкая к финансовой пирамиде законного и незаконного типа образования. Здесь уместно вспомнить известное изречение Маркса о 300% норме прибыли, после которой снимаются все ограничения для возможных преступлений капитала. Государство, центробанки, кредитно-банковские учреждения и другие финансовые институты, сконцентрировав политико-экономическую власть, могут по-разному влиять на институциональное равновесие, проводя в жизнь необходимые политико-правовые акты и законы, достигая своих незамысловатых, но вполне осязаемых спекулятивных денежных целей. Конкуренция здесь

переходит из экономического поля в поле политическое, детерминируя коррупцию как естественную сделку между финансистами и политиками, где взятка выступает всего лишь ценой услуги.

Сходство представлений об объекте, которое дает господствующая идеология, предполагает некоторую закономерность, универсальность и в поведении различных людей и их групп. Таким образом, это обстоятельство позволяет прогнозировать складывающуюся ситуацию и делать нормативные выводы более точными и адресными. В нашем случае идеологические разночтения не позволяют экономистам делать прогнозы и рекомендации более точными и верифицируемыми. Когда-то Рузвельт говорил, что все мы стали уже кейнсианцами.

Не следует отождествлять идеологию как внутреннего компонента социально-экономической системы с идеологией как имманентного свойства любой политической системы и власти. Как институт идеология является основанием для формулировки идеологической доктрины политической системы и власти, выполняющей свои функции. Но дело в том, что властные структуры имеют свойство независимо от своего происхождения и названия обособляться от национальной социально-экономической системы, имея свой корпоративный интерес. Здесь нет ничего удивительного, поскольку власть получает делегированные полномочия по многим функциональным вопросам собственности, права, культуры и т. п. А так как реализация контроля за действиями власти усложнена и крайне забюрократизирована, то национальный политико-экономический интерес и интерес самих властных структур могут находиться в серьезных противоречиях. И если ранее к работам Н.С. Паркинсона относились всего лишь с ироническим пониманием, то сегодня проблема бюрократии от национального до международного уровней приобрела особую актуальность как непосредственно в практике, так и в теории, включая экономическую. Возник политический рынок и «работающие» на нем получают легальную *политическую ренту*. И не зря на Западе работа в правительственных учреждениях, хотя и не является самой высокооплачиваемой, однако считается весьма престижной. Правда, и у нас что-то нет объявлений о вакансиях на министерские или другие посты.

Кроме научной идеологии, которая является отражением объективно складывающихся тенденций многих составляющих, идеологии политической власти можно выделить идеологию «народа», «электората». Социально-классовая структура последнего позволяет вычлени из него (условно) также несколько классов: собственников и управленцев-предпринимателей, класс наемного труда, занятого в сфере массового производства и слой (класс) деятельных людей в сфере услуг

и научно-информационной сфере. Число последних, кстати сказать, возрастает, а зависимость их от собственников или менеджеров значительно ослабла. Скорее, наоборот. Можно посмотреть на структуру ВВП в развитых странах. Но в данном контексте рассуждений мы хотели бы отметить лишь несовпадение и возможное даже противоречие идеологических позиций общества. Если же говорить о перспективной, объединяющей идеологии, то ей должна выступить идея, отражающая интерес основного производительного слоя (класса) с точки зрения сложившихся современных условий разделения труда, используемых технологий и организации «золотых» и «синих» воротничков», если использовать старую терминологию.

Новые аспекты идеологии современной экономики

Как институт идеология не возникает на пустом месте. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту. Информация и весь информационный сектор является сегодня самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. По сути, это дополняет современную теорию *эндогенного экономического роста*. Например, к 2000 г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50-75 % добавочной стоимости. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25 % работающих, производили 56 % стоимости национального дохода. Если предположить страну j , а y^1 - душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y_j^1 = f(w^1)$.

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных и отраслей, обеспечивающих воспроизводство «человеческого капитала», в конечном итоге зависят не только макроэкономические показатели текущего благополучия, но и динамики развития. *Информационный цикл отражает, прежде всего, способ мышления*, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно способы мышления и методы

сбора информации являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей. Изменяется структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое, идеологическое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящую цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы ее популярность. Если предположить, что экономическая деятельность – это, прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. *Информация, таким образом, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии.*

В настоящее время заслуживает поддержки и развития мысль о том, что «инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят отражение понятия «экономического времени», о чем когда-то говорили

Й. Шумпетер и Н. Кондратьев, как в «старом», традиционном, так и в «новом» измерении.

Однако с глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий. Вследствие этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня международные институты являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта. Можно для иллюстрации вспомнить высказывание Капицы о принципиальной разнице обмена между людьми яблоками и идеями, обогащающий во втором случае общество на количество воспринятых идей.

Существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16 % в 1950 г. до 37 % в 2000 г. И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают «новую экономику». Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны. Но с другой стороны государство, создающее жесткие границы также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разнородность стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – *глобальную ренту* можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, *но имеющей доминирующее влияние в мире*.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело используют всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях современной «расколотой цивилизации».

Онтологические изменения и их отражение в идеальных теоретических конструкциях

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влияние силы монополий, воздействующих через цену на социально-

психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для «новой экономики», которая существенно изменила всю политико-экономическую систему.

Прежде всего, теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду*. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах.

Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, заметившие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же, принимающий себя как игрок в массе игроков, и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной «ловушки». Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а, следовательно, и вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое

* Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры» – это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку, впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней, даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным фактом и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучены, по крайней мере, экономической теорией. Однако фактом остается огромное влияние пиаровских технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы сознания. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей, например, фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда присутствуют чьи-то предпочтения в проведении определенной экономической политики.

Специфичность, как стоимости, так и потребительной стоимости информации придают в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является, прежде всего, общественным благом. Это своего рода и институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Как и государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только «для служебного пользования», но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что на современный рынок в связи с развитием информационной сферы все большее влияние приобретают нравственные ценности и сами организационные механизмы. В частности, контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел» [6, с. 107].

Дж. Сорос подавление естественной информационной свободы рынком назвал смертельной угрозой для современного общества с его ориентацией на демократические ценности, для чего в первую очередь предложил и потребовал изменить содержание системы отношений в мировых финансовых сферах.

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники транзакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности, как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождается асимметричностью операций и отношений.

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать что это вообще возможно при современных политтехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восемнадцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а, следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в «традиционных отраслях», т. е. таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей «трехсекторной» экономической модели.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный

эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И даже кратно сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Возникает новая норма, регламентирующая не только поведение хозяйствующих субъектов, но и предающая целостность современной экономической системе – институциональная ценность. Она подобна стоимости. Количественно она находит отражение в *средней норме прибыли высокотехнологических отраслей.* Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии – производственных отношений современного общества. «Неоэкономика (новая экономика), – пишет В.Г. Белолипецкий, – это экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь этот атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи» [7, с. 315]. Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласование интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же предмет согласований этих субъектов в современном регулировании производственных отношений – это транзакции и попытка повышения эффективности через снижение транзакционных издержек. Вот как охарактеризовал эти изменения М. Кастельс: «Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой

центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» [8, с. 502–503]. Эта мысль требует не только осмысления, но и проверки на истину. Однако фактом остается то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие и свое ограничение. Учение Вернадского о ноосфере, пожалуй, получила свое яркое выражение. Поэтому идеология, являясь формой отражения информационной экономики, должна выступить объектом более тщательного изучения науки об экономике.

Возникает идеология как стихийно, так и организовано. В первом случае доминирующими будут неформальные нормы, отражающие генетические изменения страны, региона. Их закрепление потребует формализации социально-экономических отношений. Во втором случае опорой на изменение среды будут неформальные правила, законы, которые будут способствовать изменению традиций, побудительных мотивов, норм. Институциональные конфликты, возникающие при этом далеко не всегда разрешаются положительно с желаемым эффектом. Пример – новая экономическая реформа, которая пока не достигла по целям даже 90-х годов.

В структуре идеологии различные компоненты имеют свой век существования, после чего может начаться процесс "трения" между несовместимыми институциональными свойствами. Если взять, например, такие государства, как Беларусь, Россию, Украину и другие, которым до сих пор не удается выйти на эффективный путь развития, то одна из причин такого положения заключается в отсутствии *адекватной и цельной идеологии* в этих государствах. И дело не только в том, что не учитываются историко-культурные особенности этих стран. Проблема состоит еще и в том, что общая идеология складывающейся системы есть составляющая разных ее сторон и уровней, о которых известно общественному сознанию. И хотя, безусловно, должно быть их соответствие даже по закону гармонии, к которому стремится любая система, включая общественную, устроители новых государственных систем, к

сожалению, этого не обеспечивают. Общая идеология разворачивается как бы в ряд частных, сохраняющих каждая по себе в той или иной форме основной, философский компонент общей национальной идеологии. В свою очередь, стержнем последней выступает политико-экономическая доктрина страны, разработка которой предполагает учет многих составляющих, включая сложившуюся в мировой экономике расстановку сил, изменения в технологических способах производства и их использование, трансформацию в структуре собственности как на мировом, так и на национальном уровнях, динамику отношений распределения и некоторые другие компоненты. Таким образом, молодые демократические государства натолкнулись в своих намерениях к лучшему на то, с чем начинали бороться, – с преодолением или уничтожением старой социалистической идеологии и образовавшимся вакуумом в области общей стратегии развития, которая фиксируется в ... этой же идеологии страны. Парадокс обнаруживается лишь в том, что разрушение прежнего института идеологии начиналось сверху, формально и весьма решительно. Достаточно же образованному обществу, выработавшему и впитавшему за десятилетия прежнюю систему ценностей, определявших нормы поведения людей, не было предложено *соответствующей* замены культурологических, экономических и других ценностей и ориентиров, позволивших бы этим людям реализовать свой профессиональный уровень и чувствовать себя лучше, комфортнее, защищеннее, материально обеспеченнее. В качестве альтернативы прежней идеологии была предложена достаточно абстрактная формулировка времен А. Смита, без учета национальных исторических традиций, развития, сложившихся культурных и экономических связей, *но совмещающая опыт нравственности, экономической эффективности и справедливости.*

До 50-х гг. XX в. никто не ставил под сомнение ограниченность и невоспроизводимость природных ресурсов. В то же время в теории "факторов производства" труд описывался никак не более, чем обычный фактор производства. Кстати сказать, это последнее обстоятельство было предопределено существовавшей на тот период идеологией, согласно которой считалось, что лучше уравновесить фактор труда и капитала, чем способствовать разрешению нарастающих противоречий между ними, о чем писал Маркс. Сегодня уже никто не сомневается в том, что более эффективным являются вложения в труд. Но отношение к факторам производства с позиций принципа взаимодополняемости позволяет институционально реализовать на практике *социальное партнерство между трудом и капиталом.*

Не всегда свобода также выступала человеческой ценностью. «...Несвободные работники, – пишет Л. Мизес о периоде рабства, –

привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло» [9, с. 27]. В период же становления рыночной экономики свобода выступила как одна из важнейших ценностей, подталкивающая к социальным превращениям и увеличению своего пространства. То же можно сказать о равенстве – неравенстве, о критерии социальной справедливости. Переход от зависимости к свободе может быть воспринят человеком не как благо. Неумение реально в жизни осуществлять свой выбор, представленный свободой, приведет к росту издержек разного рода и к падению объемов производства.

Степень отклонения частных идей различных социальных групп и классов, отдельных людей от официальной доминирующей идеологии характеризует целостность и стабильность общества, его экономическую устойчивость. Чем меньше степень отклонения, тем выше экономическая и социальная общность страны, выше его хозяйственная культура. В свою очередь эти отклонения влияют на выбор организационных форм и культуру. Вот одна из причин того, почему в социалистической модели экономики были неприемлемы многие выводы из западной теории менеджмента. Преобладание в идеологии США индивидуализма, а в Японии коллективизма отличают «американский стиль управления» от «японского» с соответствующим теоретическим обоснованием и, естественно, результатами.

Правильная оценка значения идеологии в системе общественных институтов позволяет осуществлять и лучший выбор в направлении инвестиционной политики. Например, общественный порядок можно достигать как через образование, так и с помощью правоохранительных органов. И то и другое требует каких-то затрат. Но лояльность населения к существующему общественному порядку, поддерживаемому с помощью правоохранительных органов, может уменьшиться даже при росте затрат на эти органы. И это будут чистые издержки общества. Затраты же на образование обеспечат не только общественный порядок, но и повысят трудовой потенциал страны, ее культуру. Может быть, это и не всегда так, но, по крайней мере, учет идеологии в таких расчетах, позволяет сделать оптимальный выбор проекта.

Надо отметить, что выработка новой идеологии, с которой можно было бы уверенно войти в XXI в., это не только проблема постсоциалистических государств. Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные «перегрузки», проявления которых

крайне различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных «внешних эффектов» рынка, занимаются *категорией транзакционных издержек* как отражением одного из проявлений "перегрузок" этой общественно-экономической системы. Самый общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам. Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. «И рынки, и правительство, – пишет Дж. Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения» [10, с. 430].

Как же проникает идеология в экономику, в теорию? Прежде всего, проникновение идеологии в экономику осуществляется через общепринятую парадигму теории, которая пытается тем или иным способом объяснить закономерности происходящих экономических явлений и процессов. В любую парадигму встраивается ряд аксиом, которые как бы очевидны и принимаются без доказательств. Но именно эта "очевидность" держится на витающей в обществе гипотетической и интуитивной вере. И хотя "очевидность" при самом беглом анализе оказывается наиболее уязвимой с точки зрения логики, все же она очень живуча в представлении и предрассудках людей. Второй путь проникновения идеологии в экономику — это существующие теории. Дело в том, что в самой теории через ее парадигмальную основу уже закладывается элемент идеологии. Поэтому все последующие рассуждения и умозаключения, выводы, безусловно, будут иметь идеологический общий знаменатель или оболочку. По заранее оговоренным и принятым научным канонам теория не только позволяет более четко оформить, а иногда и "научно" обосновать идеологические принципы, но и закрепить их в рассудке людей целостной концепцией или теоремой. В-третьих, система образования распространяет полученные научные знания в широкую массу людей, которые в последующем будут работать в различных экономических сферах. "Переучить" таких людей, когда меняется идеологическая ориентация, крайне трудно, если вообще возможно. Опять-таки для подтверждения можно обратиться к социологическим данным, фиксирующим крайне медленную трансформацию в сознании людей различных ценностей и идеалов.

Огромнейшие возможности идеологического проникновения во все сферы человеческой деятельности открылись через современные средства массовой информации, компьютерной техники, информационных технологий. Но использование этого канала может быть и разрушителем любой идеологической схемы. В свою очередь через современные информационные технологии можно навязывать такую идеологию, которая выгодна небольшой олигархической группировке и которая вовсе не следует из текущей объективной ситуации. То есть в данном случае речь идет о ненаучной идеологии. Приблизительно такая же позиция наблюдается во взаимоотношениях между транснациональными компаниями, владеющими средствами массовой информации, и развивающимися странами. Нет смысла ставить вопрос по-старому, кто здесь виноват. Более продуктивно ставить вопрос о решении этой проблемы. Но, думается, в первую очередь необходимо адекватное восприятие текущих мировых процессов, включающих и мощное идеологическое воздействие политической, научной элиты этих стран и всех сил, которые влияют на внешнюю и внутреннюю политику.

Идеология *современной мир-экономики*, безусловно, отличается по содержанию от национальных государств, скажем, в 30-40-е гг. XX столетия, когда преобладала *континентально-страновая идеология*. В целом же механизм «работы» идеологии в экономике чрезвычайно сложен и он зачастую невидим и поэтому игнорируется. Естественно, и внимание теоретиков, политиков, хозяйственников и потребителей к этому крайне влиятельному компоненту отвлеченное или вовсе незначительное. Но можно однозначно сказать, что эпоха «чистого экономизма» со своими критериями эффективности и другими расчетами закончилась еще в начале 30-х гг. XX в. Плотность экономического поля, опосредованная углублением разделения труда, возникновением новых технологий, интенсивным освоением сокращающихся ресурсов, предельным уровнем использования трудового потенциала с его мотивацией, обусловила его столкновение с областью, или с полем, социально-культурных и нравственно-этических отношений. С одной стороны, это противоречие требует затрат разного порядка (не только экономических) для своего разрешения. С другой стороны, высокая плотность экономического поля затрудняет, что называется, свободный выбор производителя – потребителя для своего рационального и оптимального действия. В-третьих, эффективность использования ресурсов в заданной или привычной модели снижается из-за роста транзакционных издержек, анализ которых будет сделан несколько ниже. Так или иначе, однако, вовсе не случайно Д. Норт в качестве одного из ключевых направлений развития экономической

теории выделил направление теории идеологии. Вопрос не только в том, что всякая новая модель хозяйствования, известная истории, вначале фиксировалась в идее. Вопрос уже в том, чтобы аккумулировать силы для скорейшей выработки принципиально новой парадигмы социально-экономического развития, поскольку плодотворных, но разрозненных идей на протяжении веков уже было высказано довольно немало. Необходимо их обобщение и синтез. Тому подтверждением, например, является теория собственности, в которой как бы признается "плюрализм" существования ее различных форм без плюрализма теоретической оценки.

Если идеология пронизывает все сферы общественно-экономической деятельности человека, то, очевидно, что *и в процессе анализа* этот компонент не должен не только из него исключаться, но и прямо или косвенно имплантироваться в теорию. «Отношение между личностью и обществом, – пишет Дж. Бьюкенен, – в большей степени является основным вопросом политической философии, чем экономики. Но любой экономист, пытающийся пролить свет на эту взаимосвязь, неизбежно вторгается в пределы философии – глубочайшей области научного познания» [10, с. 18]. Конечно, все это не так просто, поскольку экономическая наука, во-первых, не имеет опыта и традиций инструментального анализа экономической системы в контексте ее идеологического выражения. Во-вторых, идеология в силу своей специфики сама по себе крайне сложно поддается формализации без существенных потерь своего содержания. Однако сложность такой процедуры не должно исключать идеологию из среды экономического поля в теории и практике.

Беларусь как геополитическая, экономическая и культурная национально-государственная единица имеет большие ограничения в выборе экономических и политических форм своего существования. Ее *политика выбора* требует научного осмысления не только своей истории, но и практики, которая является следствием уже выбранной позиции. Какова это была позиция, как она закладывалась, реализовывалась, как она будет трансформироваться в будущем – дело очень непростое и не может быть познано без научного освоения. И вот как раз последнее, т.е. исследование «самих исследований», что входит в *предмет метатеории*, требует самой серьезной проработки. Преодоление кризиса возможно только преодолением заблуждений и преодолением теоретического кризиса. «В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей. ... Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно

является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не только аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской» [9, с. 824, 830]. Сегодня идеология, основанная на методе хаоса и здравого смысла, является, пожалуй, самой разрушительной для экономики и общества в целом. Ньютону удалось сконструировать свои известные законы физики благодаря некоторой четкости религиозного учения, идеи о сотворении мира. Современные экономисты ушли от проблемы сотворения мира, отстранились от нравственно-этических норм поведения людей, не воспринимают в выборе своих теоретических конструкций историко-социального контекста и духовного мира общества. В итоге аналитический инструментарий, построенный на жестко детерминированной и утилитарной экономической рациональности, при всей своей кажущейся стройности, строгости и последовательности просто не имеет практического смысла. Ведь любое начинание и любая реформа начинаются с критики прежней хозяйственной системы, безусловно, имеющей некую идеальную картину, и генерирования, выработки новой идеи, приобретающей при дальнейшей научной разработке парадигмальное выражение и теоретическое завершение. В этом смысле выработка новой идеологии современной реформы представляет собой, прежде всего, научную проблему по выработке новой парадигмы и, следовательно, новой или видоизмененной экономической доктрины. Так было, например, во времена промышленной революции, так было в период Великой депрессии, так было в эпоху влияния монетаризма и такова же задача стоит сейчас.

Литература

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М., 1993.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
3. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М., 1991.
4. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1987.
5. Кейнс Дж.М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993.
6. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5.

7. Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
8. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
9. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
10. Бьюкенен Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды / Пер. с англ. М., 1997.

В.Ф. БАЙНЕВ

Парадокс неэффективного частного собственника в теории фирмы переходного периода

Проблема эксплуатации человека человеком, генетически связанная с такими категориями из разряда общечеловеческих, как добро и зло, гуманизм, справедливость и т.п., на протяжении веков и даже тысячелетий являлась одной из самых злободневных, притягательных и в то же самое время одной из наиболее запретных тем. В любые времена и в любых странах об этой проблеме не принято говорить вслух, а если об эксплуатации речь все-таки ведется, то либо исключительно в прошедшем времени, либо применительно к иным странам и другим экономическим системам.

Необходимо отметить, что в качестве весьма эффективного средства первичного монтажа, а затем маскировки и оправдания механизма эксплуатации традиционно использовалась *идеология*. Так, например, идеология рабовладельца весьма оригинально отрицала наличие угнетения, объявляя раба не человеком, а вещью, говорящим орудием труда. А поскольку раб не является человеком, то ни о какой эксплуатации человека человеком говорить не приходится. Идеология помещиков заключалась в том, что эксплуатация крестьянина облакалась в форму некоего «взаимовыгодного» сотрудничества между ним и феодалом – последний, дескать, предоставляет землепашцу землю, за что тот «по-братски» делится с помещиком произведенной продукцией. В завезенных к нам из-за океана учебниках по теории рынка, являющейся официальной идеологией современного капитализма, также нет ни единого слова об эксплуатации. В рамках данной концепции все субъекты рынка объявляются максимально свободными, причем каждый человек волен продавать (или не продавать) свои способности на рынке труда, а уж всемогущий (для некоторых – Всевышний) рынок в полном соответствии с законами спроса и предложения на данный вид производственных ресурсов